

Читая превосходную книгу Гарри Аллена, посвящённую необыкновенной жизни Эдгара По, я задумался над страницами, на которых он рассказывает о знаменитом «Вороне». «Никогда ещё на долю написанного американцем стихотворения не выпало столь стремительного и широкого успеха. Ворон и в самом деле грозил прогнать орла с национального герба... По мгновенно прославился, превратившись в вызывающую всеобщее любопытство, странную, романтическую, роковую и трагическую фигуру, какой с тех пор и оставался». Естественно, что небывалый триумф заставил читателей обратиться к Эдгару По с вопросом, как удалось ему создать столь совершенное произведение. И он ответил статьёй «Как я написал “Ворона”, или Философ и его творчество». Эта статья — гениальна, как всё созданное великим поэтом. Но перечитав её дважды, я убедился, что его объяснение, написанное с могучей логической силой, в сущности, ничего не объясняет. Тайна поэтического творчества остаётся неведомой. Её, как музыку, нельзя объяснить до конца.

У нас эту тайну пытался разгадать Маяковский — «Как делать стихи». Но и его, при всей новизне и оригинальности своего опыта, постигла неудача...

Михаил Орлов — талантливый писатель, которого мы потеряли рано. Он умер тридцати шести лет. Судьба его напоминает судьбу Александра Вампилова, с той разницей, что Вампилов, замечательные пьесы которого долго отклонялись, за несколько лет до смерти успел получить признание. Орлов не успел.

Сперва о впечатлении, которое осталось у меня после наших трёх встреч и продолжительной переписки. Он был начитан, скромн, молчалив, его образованность меня обрадовала и удивила. Впрочем, начитанность и широкая образованность видна и по его произведениям. Без сомнения, этим он обязан только

самому себе, стало быть, у него была незаурядная воля и жажда познания — черты, важные для нашей нелёгкой профессии. Знал языки — английский, испанский — и собирался изучить итальянский и древнегреческий.

Написал он много. Передо мной лежат четыре рукописных томика его стихотворений и тридцать рассказов или, точнее сказать, маленьких историй в духе эссе, посвящённых подчас незначительным путешествиям.

Сперва о стихах: и в удачных, и в неудачных виден талант. В них нет ни стилистического эпигонства, ни эклектической невнятицы. О тайне творчества мы как бы условились не говорить. Но можно сказать о музыкальности (он, кстати, любил и тонко чувствовал музыку) и о широте стилистического диапазона. Аполлон Григорьев писал о способности Фета в высшей степени тонко «ловить неуловимое, давать образ и название тому, что до него не было ничем иным, как смутным мимолётным ощущением души»¹. Именно это характерно для поэзии Михаила Орлова. Он пользуется классическими размерами — ямб, анапест, дактиль, но у него много стихов, написанных и верлибром. Бесспорная и очень важная для его стихотворений черта — движение вперёд, от сложности к простоте. Но это простота не взятая с потолка, не изначальная. Она — следствие уже нажитого опыта. Напомню, что именно этот путь прошёл Борис Пастернак, и для того, чтобы доказать это, — достаточно сопоставить только две-три строки из его ранних стихов с двумя-тремя из поздних.

*Из сада, с качелей, с бухты-баракхты
Влетает ветка в трюмо!*

(«Девочка»)

И:

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.*

¹ Фет А. А. Полное собрание стихотворений. — Л.: Сов. писатель, 1937. — (Б-ка поэта. Малая серия).

*Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

(«Зимняя ночь»)

У Орлова:

*Сохатый идёт наискось
По морю сплошных незабудок
Туда, где пылает лосось,
Теряя багровый рассудок.*

(Из цикла «Листья ивы»)

И:

*Закутавшись в сугроб и тишь,
Российская равнина,
Ты вечный холод свой хранишь
И холодом хранима.*

Он послал свои стихи замечательному поэту Эдуардасу Межелайтису и получил от него ответ, подтверждающий моё мнение:

«МИХАИЛУ ОРЛОВУ,
ТОМСК.

Дорогой друг!

Я с большим интересом прочитал Ваши стихи и сразу почувствовал талант. Я понимаю Ваше волнение — по годам уже пора “выходить в люди”, а люди не признают. Здесь дело очень простое: слух читателя годами привык к традиционному стиху и трудно принимает белый или вольный стих и поэтическую импровизацию. Я тоже сталкиваюсь с подобными тормозами. Дело здесь в самой простой инерции вкуса и глухоте слуха. Многие Ваши стихи мне понравились, человек Вы несомненно талантливый и должны смелее прокладывать себе

путь в литературу. Желаю Вам вдохновения и большого успеха в новом 84 году!

Эд. Межелайтис.

Вильнюс.

8.1.84».

Проза его многогранна, но её объединяет общая черта: это проза поэта. Он пользуется любимыми жанрами — рассказом, мемуарной записью, сказкой, мифом, эссе. И в каждом жанре с неумолкающей силой звучит лирическая нота.

Можно ли назвать его новатором? Да. В особенности если оценить его отношение к мифу. Мифотворчество — важнейшее явление в культурной истории человечества. Миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Нам кажется, что миф — это нечто незыблемое, неподвижное, тысячи раз повторённое в живописи, в литературе, в скульптуре, нашедшее художественное воплощение в мировой литературе. С мифом, казалось бы, нельзя спорить, его можно только изучать. Михаил Орлов не первый, кто воспользовался мифом как материалом художественного творчества. Мифами для своих гениальных творений пользовались Рембрандт и Тициан. Беспредельно число воспроизведений мифа в мировой литературе. Достаточно вспомнить знаменитый роман Томаса Манна «Иосиф и его братья».

Но Михаил Орлов — первый, кто решительно не согласился с мифом. Если я ошибаюсь, меня поправят знатоки мифологии.

Кто не знает библейской легенды о жене Лота, превратившейся в соляной столб? За что её постигла такая суровая кара? За то, что, покидая родной город, она обернулась. Так вот, Михаил Орлов считает (в эссе «Сигор»), что она совсем не заслужила этого несправедливого наказания. «Соляные столбы древности сияют в нашей памяти. Но разве они мертвы? Ведь мы, оборачиваясь в прошлое, совершаем обратное действие, оживляя нежный образ жены Лота. Мы своей властью отменяем незаслуженное наказание. Потому что человек не может не оглядываться на то, что было его жизнью, и в прошлом он так же черпает силы для сегодняшнего труда, как и в будущем. Каким бы прошлое ни было».

«Своей властью»! Кто же так смело вторгается в освящённую веками библейскую легенду? Кому принадлежит эта власть? Она принадлежит художнику. И за простыми словами «мы отменяем» чудится ещё не раскрытый философский смысл.

Конечно, она, эта власть, не даётся даром. И она не далась даром и бедному, непонятому художнику, каким был Михаил Орлов. Непонятому, непризнанному, измученному непризнанием, которое, я в этом убеждён, в конце концов свело его в могилу.

Но Орлов не только исправляет мифы согласно его пониманию справедливости и чести. Он сам создаёт их. Таков миф об индийском мудреце Гондхи Бабе и его ученике Анапарвати. Мудрец прошёл путь от простейшей до высшей йоги и научился легко перевоплощаться в животных, птиц и даже в неодушевлённые предметы. Он научил этому своего любимого ученика Анапарвати. Завистники предложили ему превратиться в мыльный пузырь. Он сделал это, но пузырь лопнул, наткнувшись на острый сук. И потрясённый горем великий мудрец исчезает. Он превращается в вечную росу, чтобы вечно оплакивать гибель своей надежды.

Я рассказал содержание этого нового мифа не только для того, чтобы показать всё богатство воображения Михаила Орлова, но и для того, чтобы читатель мог ощутить, как его проза близка к поэзии. Таковы и другие мифы — «Эдип», «Просьба Ойнея». Орлов остаётся верен себе, когда берётся и не за библейские или древнегреческие сюжеты. Он разговаривает со знаменитым астрономом Иоганном Кеплером (XVII век): «А напоследок, Иоганн Кеплер, я скажу тебе то, о чём никто, кроме меня, не скажет...» Он по-своему рассказывает знаменитую историю колумбова яйца. Оказывается, это Колумб поставил яйцо перед взбунтовавшимися матросами, чтобы доказать им, что он способен на то, что для них — невозможность. Более того: М. Орлов придумывает одну, совершенно естественную подробность — яйцо протухло. «А те, которые натягивают паруса и выбирают шкоты, чтобы ветер запутывался в паутине полотна, кто заставляет корабли двигаться вдали от родных берегов, принимают запах тухлого яйца за аромат драгоценных пряностей».

Читая его рукопись, я думал о том, что трагедия непризнания непременно должна найти отражение в его стихах и прозе. Я не ошибся. Он пишет воображаемую автобиографию («Тюфяк»). Он пишет о бедственной судьбе Лермонтова («Вид

с Крестовой горы»), он пишет о гениальном скитальце Камозэнсе («Нарушенный предел Камозэнса»). Он пишет о Михаиле Булгакове, который шёл своей дорогой — дорогой одиночества, непризнания и бесстрашия («Пешеход»).

Но он не замыкается в собственном непризнании, глубокое понимание истории внушило ему мысль написать о Бисмарке, критически оценивающем судьбу Наполеона. Своеобразное понимание живописи выражено в эссе «Русью пахнет», где он отдаёт должное таланту Шишкина, утверждая, что это не мешает ему любить Ренуара и Пикассо.

Книга его («Травы чужих полей». — *Прим. ред.*) полна свежих мыслей, проникнута поэтическим и глубоко современным отношением к жизни. Не признание, а призыв одушевляет её и приводит к уверенности, что Михаил Орлов занял бы своё, неповторимое и заметное место в нашей литературе. Судьба решила иначе. Но наш долг — бережно сохранить и подарить читателям его литературное наследие.

30 сентября 1986 г.